

— Этот Бай!

Соловей мелодично пропел, на мгновение развеяв кошмар, но не смог полностью успокоить сердце. Линь Ваньфэн посмотрел на пустую комнату, с трудом сглотнув.

Зажёг свечу, он стоял посреди комнаты, оглядываясь, словно пытаясь что-то найти.

Этот Бай, я не знаю, о ком ты здесь думал, что решал, я даже не знаю, где ты сейчас, что ты делаешь. Я сомневаюсь, знаю ли я тебя вообще?

Растерянность сменилась гневом, и Линь Ваньфэн вдруг распахнул шкаф, достал узелок.

Я не хочу жить здесь, я хочу уехать, покинуть это место, где ты жил и исчез.

Хлоп! Конверт упал к его ногам. Линь Ваньфэн замер, прекратил свои действия, наклонился и поднял конверт.

Чёрные иероглифы на белой бумаге, с указанием цены, а внизу два размашистых иероглифа, которые выглядели слегка небрежно. Линь Ваньфэн провёл пальцем по ним, вдруг сел и засмеялся.

Когда я покидал дворец князя У, мне было грустно. Я думал, что больше никогда не увижу князя У, но когда я был с отцом, я больше мечтал о будущем. Но ты разрушил всё, этот Бай. Я никогда так не переживал за кого-то, никогда. Ты заставил меня только вспоминать прошлое, боясь смотреть в будущее, будущее без тебя.

Линь Ваньфэн снова собрал узелок, аккуратно сложил письмо и спрятал его за пазуху, затем вышел из комнаты.

Мне нравился князь У, но я мог отказаться от него. Но ты... от тебя я отказаться не могу!

На пристани наконец забрезжил рассвет, осветив фигуру Линь Ваньфэна, который ждал всю ночь. На поверхности канала висел туман. Он встал на цыпочки, увидел вдали паруса и проявил нетерпение.

— Паршивец! — раздался сердитый голос сестрицы Хун сзади. — Ты снова исчез!

— Сестрица Хун, — Линь Ваньфэн обернулся, посмотрел на неё, сжал губы и, опустив голову, извинился:

— Простите, что беспокою вас заботами о Цяньцян и Ху-эре.

— Куда это ты собрался? — сестрица Хун упёрлась руками в бока.

— Искать этого Бая.

Линь Ваньфэн ответил прямо. Сестрица Хун на мгновение замерла, затем нахмурилась, глядя на него:

— Куда ты пойдёшь искать?

— Сначала в столицу, — сказал Линь Ваньфэн, обернувшись.

Лодка уже причалила. — Где бы он ни был, я найду его.

— Подожди, — сестрица Хун тоже прыгнула на лодку, встала перед ним и сказала:

— Сяо Фэн, ты уверен?

— Да, — Линь Ваньфэн улыбнулся, и его улыбка была прекраснее гор.

Он кивнул:

— Я уверен. Я долго думал и наконец понял, что люблю его. Так сильно, что хочу, чтобы он остался со мной навсегда.

Хе-хе... Сестрица Хун рассмеялась, в её сердце появилось облегчение. Она шагнула вперёд:

— Тогда у меня есть план, который тебе может пригодиться.

Линь Ваньфэн ещё не успел понять, что происходит, как сестрица Хун шепнула ему на ухо. Он замер на месте, а лодка отплыла от берега. Он странно посмотрел на сестрицу Хун, махавшую ему с берега, и на его щеках появился румянец.

В городе Хуянь на улицах витал аромат крепкого вина из земель хусцев. Армия Северной границы, сражавшаяся полгода, заслужила праздник, тем более что они совершили грандиозный подвиг, захватив столицу хусцев.

Во дворце Цинь Юй сидел, его лицо было болезненным. Он смотрел на человека напротив и приказал:

— Контролируйте своих подчинённых, не допускайте беспорядков в городе и тем более не унижайте хусцев.

— Ваше Величество, не беспокойтесь, я уже приказал всем генералам, что любой, кто грабит, будет наказан по военному уставу.

Ду Сюэтан говорил, с беспокойством глядя на него. После великой битвы император, казалось, исчерпал свои силы и внезапно заболел. По словам врача Чжун Сина, постоянные переезды и раны уже истощили его, и то, что он смог преследовать Хуянь Тая, было чудом. Теперь ему нужно было отдохнуть.

— Бату бежал на юг, генерал Юэ уже преследует его. Небольшие племена, ранее подчинявшиеся Хуяню, теперь покорились, остальные не представляют угрозы. Генерал Сун И и другие уже отправились на подавление, Ваше Величество можете не беспокоиться.

— С канцлером рядом у меня нет причин для беспокойства, — Цинь Юй улыбнулся, чтобы успокоить его.

Ду Сюэтан не нашёлся, что ответить, только поклонился и ушёл. Цинь Юй откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. В зале раздались лёгкие шаги — это был Чжун Син, подошедший к нему.

Император, казалось, знал, что это он, и не произнёс ни слова, только протянул ему руку. Чжун Син опустился на колени, взял его запястье и внимательно осмотрел.

Через некоторое время он глубоко вздохнул. На землях хусцев было холодно, и своеволие императора привело к рецидиву болезни, которая до этого шла на поправку. Однако, к счастью, в мае на землях хусцев уже стало теплее, иначе Чжун Син не знал бы, что делать.

— Ну как?

— Ваше Величество, если вы будете спокойно отдыхать и не будете утомляться, то к возвращению в столицу полностью поправитесь.

— Тогда я выздоровею? — открыл глаза Цинь Юй, глядя на него.

— Это... — Чжун Син на мгновение замялся. Он имел в виду не это.

— Уходите, — Цинь Юй вздохнул, уже поняв его.

Врач Чжун тихо удалился. Цинь Юй лёг на кровать, натянул одеяло и перевернулся на бок, закрыв глаза. Если торопиться нельзя, то пусть будет медленно. У него ведь есть канцлер Сюэ, который поможет ему уладить все дела на землях хусцев.

Город Хуянь.

Цинь Юй, сопровождаемый Ли Ханем, обошёл несколько мест и остановился перед строго охраняемым дворцом. Он поднял руку, остановив Ли Ханя.

— Я пойду один.

— Есть.

Открыв ворота, Цинь Юй вошёл внутрь. Двор был пуст, на стенах были вырезаны фрески, величественные и великолепные, изображающие древних хусцев, преодолевающих трудности. Он смотрел на них, невольно остановившись.

— Впечатляет, правда?

Слегка повернув голову, Цинь Юй взглянул на Хуянь Тая, затем снова перевёл взгляд на фрески:

— Не знаю, у ханьцев боги выглядят иначе.

— Хе-хе... Говорят, в древности боги преследовали предков хусцев, и те, убив богов, покинули небеса и пришли сюда, чтобы построить новое царство, — с улыбкой объяснил Хуянь Тай.

Цинь Юй кивнул, глядя на него:

— Если они убили богов, зачем уходить?

— Возможно, там было дико и отстало, поэтому они хотели построить новый дом, — ответил Хуянь Тай.

Цинь Юй смотрел на его выражение лица, не зная, как ответить на это, и отошёл в сторону:

— Бату... погиб. Я приказал похоронить его с почестями. Он заслуживает звания первого воина.

Услышав это, Хуянь Тай положил руку на грудь и тихо прошептал что-то. Цинь Юй молча наблюдал, не мешая ему.

— Спасибо, — открыл глаза Хуянь Тай.

— Я разрушил твой дом, не за что благодарить.

— Если бы я захватил столицу, я бы поступил так же, — Хуянь Тай стоял, заложив руки за спину, выглядел довольно свободно. — Брат Вэнь, не хочешь ли выпить со мной?

— Конечно, хочу, — Цинь Юй первым направился к залу. — Теперь я и брат Хуянь наконец можем говорить откровенно.

Они сели на циновки, скрестив ноги. Хуянь Тай поднял чашу с вином и, увидев, что Цинь Юй не двигается, с удивлением посмотрел на него.

— Огорчаю брата Хуянь, — Цинь Юй потрогал чашу и сказал:

— Я уже давно не могу пить. Врачи говорят, что это опасно для жизни.

— Ха-ха... Благодарю брата Вэня за честность, — Хуянь Тай опрокинул чашу залпом, выглядел очень довольным.

Вино на землях хусцев было крепким, и те, кто не привык к нему, пьянели уже после нескольких глотков. Но Хуянь Тай больше не обращал на это внимания. Сегодня он хотел только пить и говорить откровенно.

Опустив чашу, он снова налил вина и, глядя на спокойного Цинь Юя, сказал:

— Я слышал о твоих делах в Великой Юн. Я восхищаюсь тобой, брат Вэнь.

— Восхищаешься? — Цинь Юй усмехнулся, глядя на него. — Не считаешь это глупым?

— Глупостью высшей степени, — Хуянь Тай тоже засмеялся, его плечи дрожали. — Я бы никогда так не поступил, но я... восхищаюсь.

Это потому, что я стал императором, поэтому заслуживаю «восхищения». Если бы я остановился у горы Сыфан, то в истории осталось бы лишь две строчки.

— Когда мы впервые встретились в городе Хуянь, я подумал, что не хотел бы стать твоим противником. Но небеса всегда играют злую шутку.

— А я всегда считал тебя своим противником, — Хуянь Тай усмехнулся. — Но всё равно проиграл.

Цинь Юй поднял брови и сказал ему:

— Мне повезло, я выиграл благодаря тому, что небеса завидуют талантам.

Он наконец понял, почему Хуянь Тай был так тороплив. У него не оставалось много времени.

Небеса завидуют талантам... Хуянь Тай вздрогнул, в его сердце всё ещё оставалась капля сожаления. Он смотрел на Цинь Юя, вдруг вспомнив тот разговор в таверне в городе Сюаньчэн.

— Брат Вэнь, хусцы и ханьцы — едины.

— Я знаю.

Цинь Юй кивнул. Хуянь Тай улыбнулся, поднял чашу:

— Тогда я спокоен.

— У тебя нет других желаний? Например, о твоём единственном сыне? — спросил Цинь Юй.

Опрокинув чашу залпом, Хуянь Тай тяжело опустил её и с силой сжал:

— Мы оба знаем, что он не выживет.

<http://bllate.org/book/16170/1453617>